

бешей, пошатнувшейся верой.

Одна из особенностей этой книги в том, что ее автор не торопится проникнуть в потаенный, скрытый от посторонних глаз закулисный мир Ватикана. Он больше сосредоточивает внимание на людях современной католической церкви, что помогает ему еще отчетливее передать ощущения сумерек, угасания ее.

Поначалу Бреза рисует как бы внешнюю сторону деятельности Ватикана, стремящегося быть «с веком наравне». Это католицизм — покровитель искусств, венчающий наградой, хотя и с кислой миной, фильмы Феллини, друг науки, бойко рассуждающий в своих газетах о квантовой теории, о том, что первые астронавты к космическим мирам будут непременно католиками и т. п. Но иной раз, словно случайно, спадает эта маска. И тогда читатель видит мракобесов, расправляющихся с детьми, предающих анафеме молодую итальянскую чету, которая осмелилась пожениться, не исполнив церковного обряда. Видит истинный Ватикан, яростно выступающий против коммунизма, против новых, справедливых порядков в странах социалистического лагеря, против всего передового и прогрессивного, что несет с собой нынешний XX век.

И Бреза показывает, что это — свидетельство слабости нынешнего Ватикана. Даже прибегая к крайним средствам, католицизм не в состоянии вернуть былое господство. Недаром даже в провинциальном городке, где школу превратили в судилище, родители-католики, возмущенные издевательствами «духовных пастырей», подают на них в суд.

Конечно, Ватикан обладает еще немалым могуществом. Он может отлучить от церкви провинившегося католика, может нанести коварный удар из-за угла, но все труднее католицизму подчинять своей воле человеческое сознание...

Брезу удалось подметить

многие характерные черты современного католицизма. Поэтому значение его книги, в частности в условиях сегодняшней Польши, где влияние костела еще весьма ощутимо, особенно велико. Недаром эта талантливая книга, в которой Бреза, по его словам, показывает «умирание одной из поверженных и абсолютно разложившихся формаций», была удостоена премии «Аргументов» — еженедельника Общества атеистов и вольнодумцев. Присуждение этой премии, по остроумному замечанию газеты «Нова культура», — «самый сильный аргумент» в пользу книги, активно выступающей против католицизма.

Примечательно, что появление «Бронзовых врат» нервно восприняла католическая газета «Тыгодник

повшехны», на страницах которой появилась статья о книге Брезы, под весьма выразительным названием «Действительно ли это Бронзовые врата?». Автор статьи обвинил Брезу в «фальшивости самой позиции, избранной им», в одностороннем, искаженном изображении папской столицы. Итак, писательский удар попал в цель. Католический рецензент верно почувствовал разящую силу книги Брезы. Ее разоблачительный пафос — в огромном фактическом материале, в умелом литературном преломлении его. Бреза как бы широко распахнул бронзовые ватиканские врата, чтобы читатель увидел Ватикан крупным планом, увидел — и сам сделал верные выводы.

С. Ларин

«Четырехпалубный корабль» в стоячих водах

Lawrence Durrell. «Alexandria Quartet» ("Justine", "Balthazar", "Mountolive", "Clea"). London, Faber and Faber, 1957—1960.

Еще не так давно английский поэт, автор нескольких романов и книг путевых очерков Лоренс Дарелл (род. в 1912 г.) был известен лишь довольно узкому кругу людей. Сейчас же утверждение, что Дарелл — выдающийся писатель последнего десятилетия, встречается в буржуазной прессе Запада довольно часто и даже не сопровождается какими-либо аргументами. Этим Дарелл обязан своей тетралогии «Александрийский квартет», в которую входят романы «Жюстин» (1957), «Балтазар» (1958), «Маунтолив» (1958) и «Кли» (1960).

В канун второй мировой войны, рассказывает нам автор в романе «Жюстин», в Александрии и ее окрестностях обитала группа людей, связанных крайне сложными, неустойчивыми и подчас загадочными отношениями. Это богатая помещица, европейски образованная егип-

тянка Леила, ее сыновья — Наруз, хозяйничающий в имении, и банкир Нессим, жена Нессима — еврейка Жюстин, танцовщица из варьете — гречанка Мелисса, молодой учитель ирландец Дарли, врач египтянин Балтазар, египетский делец богач Каподистрия; англичане: писатель Персуорден, дипломат Маунтолив, художница Кли, полицейский Скоби. Именно вокруг этой космополитической дюжины и сплетаются замысловатые интриги тетралогии.

Во второй и третьей книгах происходят те же события, что и в первой, но рассказаны они с точки зрения Балтазара и Маунтолива. Поступки героев получают иные мотивировки, характеры приоткрываются с новой стороны. И только в «Кли» действие происходит несколько лет спустя.

Автор с первых же строк сообщает, что книга его —

«исследование современной любви». В самом деле, любовь в ее многообразнейших формах и вариациях заполняет собой тетралогии. Персонажи ее словно ведут нескончаемый многофигурный танец, главное в котором — обмен партнерами. Во всех романах серии, кроме «Маунтолива», рассказчиком событий и лирическим героем является Дарли — начинающий писатель, бедняк, человек застенчивый, склонный к фантазиям. Случайно возникшая дружба с Нессимом и Жюстин, которая, к изумлению и восторгу Дарли становится его любовницей, вводит этого скромного маленького человека в мир блеска и теней — мир светских львиц, влиятельных дельцов, писателей, художников, дипломатов.

Исчезновения, загадочные убийства на охоте и балах, преследования, зловещие интриги, авантюрные политические заговоры, кровосмешение, сексуальные отклонения, черная магия. Выглядит это набором ингредиентов классического бульварного чтива. Дело тут, однако, обстоит сложнее, ибо Дарелл — человек несомненно очень одаренный.

Тетралогия стала бестселлером, и этому есть причины, помимо издательской рекламы. Дарелла называют романтиком, ибо он ищет если не исключительных, то, во всяком случае, необычных героев и ситуаций. Умело разворачивает он не слишком правдоподобную фабулу. В рассуждениях о человеческой натуре, о секретах литературной профессии Дарелл бывает тонок, остроумен, афористичен. Он описывает людей как художник-моменталист, не отрывая карандаша от бумаги, одной линией.

Но все, что открывается пяти чувствам писателя, служит для него источником эстетического наслаждения, вплоть до самых непривлекательных и даже мерзостных подробностей. Эстетическая, чувственная всяяд-

ность — отличительная черта Дарелла, но именно она-то и не дает ему стать романтиком в подлинном понимании этого слова.

Под радужным павлиньим оперением, под увлекательным поначалу рассказом о великолепии и грязи, о красках, запахах, о притонах, базарах, кофейнях, особняках древней, знойной и откровенно порочной Александрии неумолимо проступает нечто мелкое, небогатое и, на поверку, просто скучное... Именно ощущение скуки, томительного однообразия возникает уже с первых страниц «Кли», когда после на редкость выразительного описания воздушной тревоги в александрийском порту автор переходит к заключительному туру обмена партнерами.

И все же многим английским читателям, привыкшим в последнее время к книгам, атмосфера которых подчас тусклее лондонского тумана, к писателям, вытряхивающим на всеобщее обозрение мельчайшие подробности повседневного, до тошноты знакомого быта, Дарелл показался какой-то яркой и экзотичной птицей, залетевшей из тропических краев в серую слякоть английской зимы.

В дружном хоре критических похвал Дареллу звучат, однако, голоса иного тембра. Памела Хэнсфорд-Джонсон в Англии и Ч. Ролло в США без обиняков заявляют, что романы тетралогии крайне претенциозны, насыщены дешевыми эффектами, что Александрия предвоенных лет, изображенная Дареллом, не имеет ничего общего с действительностью... Один из виднейших писателей Англии, будучи в Москве и рассказывая советским критикам о новинках, так выразился об этом произведении: «Когда прочтешь все эти книги, возникает ощущение, будто съел слишком много сладкого». Сам Дарелл, говоря о присутствии ему как поэту и прозаику напряженном интересе к форме, делает такой само-

критичный вывод: «Мой интерес к форме может означать — я не скромничаю, а говорю серьезно, — что у меня второразрядный талант». Слова эти не прошли незамеченными. Одна из статей о Дарелле в печати ФРГ так и называется: «Гений второго разряда».

Казалось бы, талантом Дарелл не обижен. Но есть глубокий изъян в духовном мире, интеллектуальном строе писателя, в его представлениях о человеке. Смелость, упругость, оригинальность зрительных и чувственных образов в его книгах самым горестным манером контрастируют с удивительной человеческой неинтересностью его персонажей, несмотря на их сознательную психологическую усложненность. В итоге красочность оборачивается красотостью, эмоциональность — пошловатостью, «раблезианское жизнелюбие» — болезненной скабрзностью. Как ни современны, казалось бы, изобразительные средства, диалог Дарелла, от «Квартета» тянет не только смесью парижских духов, знойной пыли и тления, но и чем-то очень стареньким: «жутким любовным романом» какой-нибудь Э. Глин или блиставшей в прошлом веке Уйды... Несостоятельность основной идеи Дарелла — идеи человеческого характера как серии масок, то есть, по сути, отрицания объективного существования характера, вряд ли требует доказательств. Человеческий характер может быть и «многослойным», и противоречивым, и неожиданным в своих проявлениях, но он всегда существует и существует в главном, под каким-то определенным, положительным или отрицательным знаком.

Тетралогия Дарелла получила ходовое название «четырепалубного романа». Автор же считает его попыткой создания «словесного континуума (непрерывности), некоего стереоскопического целого, три стороны которого образуют пространство, а четвертая — время».

По словам самого Дарелла, в этих четырех романах (которые «в идеале» надо бы читать одновременно) он хотел использовать в художественном творчестве эйнштейновскую теорию относительности и положение Фрейда о расщепленности человеческого «я». Делясь с интервьюерами соображениями на этот счет, он, в частности, откровенно сообщает, что приятель-математик нашел его аналогию с Эйнштейном «сумасшедшей». Не уточняя эпитетов, можно все же с уверенностью сказать: к выводу гениального ученого об относительности категорий пространства и времени тетралогия Дарелла имеет столько же отношения, сколько, скажем, заяц к сараю в сочинении анекдотической институтки. Правда, все, происходящее с его героями, все, что составляет их моральную подоплеку, существо их взаимоотношений, носит крайне относительный характер. Истинные мотивы поступков, новые стороны характеров выявляются не сразу и предстают в резко противоречивом освещении. Здесь уместно вспомнить Пристли с его «Опасным поворотом», но Альберт Эйнштейн тут, право же, ни при чем!

Эта игра с научными концепциями отнюдь не является украшением «Квартета».

Что же касается Фрейда, то его главными гипотезами, конечно, вульгаризованными, Дарелл оперирует с несколькими большими основаниями. Но и это весьма не ново.

...Что ж, Дарелл выстроил на верфях своего воображения «четырёхпалубный корабль», ярко раскрасил его, заселил множеством диковинных пассажиров, развел огонь в топках и даже для вящего эффекта и быстроты поднял над ним философские паруса. Но вот беда: корабль его — в стоячих водах...

И. Левидова

Русская и советская поэзия на немецком языке

Maximilian Schick. Nachdichtungen. Vorwort von Franz Leschnitzer. Berlin, Verlag Kultur und Fortschritt, 1960.

Мастера художественного перевода, воссоздающие на родном языке лучшие творения поэтов и писателей других стран, непосредственно помогают народам сближаться между собой и преодолевать вековые предрассудки национальной вражды.

Максимилиан Шик — один из давних и верных друзей русской литературы. Уже более полувека переводит он на немецкий язык русских поэтов и писателей. М. Шик не только любит, но и хорошо знает русскую классическую и советскую поэзию, глубоко изучил ее историю и особенности современного развития. М. Шик автор замечательных переводов из Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Блока, Ахматовой, Брюсова, Асеева, Маршака, Исаковского и многих других русских, украинских и белорусских поэтов.

Благодаря М. Шикю немецкие читатели познакомились с романами «Петр Первый» и «Хожение по мукам» А. Толстого, с рассказами и новеллами советских писателей. Но все же наиболее увлеченно и плодотворно работает он, стремясь приобщать своих соотечественников к многообразным сокровищам русской и советской лирики.

Максимилиан Шик умеет не только отлично передавать основную поэтическую мысль, образный и ритмический строй стихотворения, он всегда бережно и любовно воспроизводит тончайшие оттенки музыкального лада, настроения, неповторимые, индивидуальные интонации, присущие именно этому автору.

Издательство «Культур унд Фортшритт» (Берлин, ГДР) выпустило первый

сборник избранных переводов Максимилиана Шика.

Немецкий читатель может познакомиться с образцами творчества самых разных поэтов нашей страны, от Блока, Ахматовой, Брюсова и до авторов стихотворений самых недавних лет. Кроме русской советской поэзии в сборнике представлены стихотворения С. Капутикян, Зульфийи, А. Ерикеева.

Несмотря на небольшой объем книги, собранные вместе стихотворные переводы, ранее публиковавшиеся на страницах газет и журналов, позволяют составить представление о живом и многоцветном характере советской поэзии.

К сожалению, трудно понять, чем определяется выбор и порядок расположения переводов.

Открывая книгу отличным переведенным стихотворением А. Ахматовой «Муза» и завершая тремя довольно неровно переведенными детскими стихами С. Михалкова, составитель расположил между ними стихотворения двадцати авторов в порядке, не соответствующем ни алфавитной, ни хронологической, ни тематической последовательности.

Эти недостатки издания, не соответствующие традициям немецких книжников, конечно помешали в полной мере отразить настоящие масштабы плодотворной деятельности и высокие художественные достижения замечательного поэта-переводчика Максимилиана Шика.

И все же появление его первой книги очень радует и внушает надежду, что за ней последуют новые — более полные, более щедрые издания.

Лев Копелев